

исчезла за дверь, в которую они вошли.

- Тес! - сказал парень, открывший дверь. - Пора!

Ноэ переглянулся с Феджином и выбежал из трактира.

- Налево! - шепнул парень. - Ступайте налево и держитесь противоположной стороны улицы.

Ноэ так и сделал и при свете фонарей увидел удаляющуюся фигуру девушки, уже значительно его опередившей. Придерживаясь все время другой стороны улицы, он приблизился к ней настолько, насколько считал благоразумным, чтобы удобнее было за нею следить. Раза два или три она тревожно оглянулась, а один раз приостановилась, желая пропустить двух мужчин, шедших за нею. Казалось, она набиралась храбрости по мере того, как шла дальше, и теперь шагала более твердо и уверенно. Шпион соблюдал между нею и собой все то же расстояние и шел, не спуская с нее глаз.

ГЛАВА XLVI

Свидание состоялось

Церковные часы пробили три четверти двенадцатого, когда на Лондонском мосту появились две фигуры.

Одна, шедшая впереди торопливым и быстрым шагом, была женщина, которая нетерпеливо озиралась, словно поджидала и отыскивала кого-то; другая фигура - мужчина, пробиравшийся в самой густой тени, какую только мог найти, и издали принаравливая свой шаг к ее шагам: приостанавливаясь, когда останавливалась она, и двигаясь вперед, как только она шла дальше, но и в пылу преследования не позволяя себе нагнать ее. Так перешли они по мосту из Мидлсекса на Саррийскую сторону, как вдруг женщина, с тревогой заглядывавшая в лица прохожих, по-видимому, обманулась в своих надеждах и повернула назад. Она повернула внезапно, но тот, кто за ней следил, не был застигнут врасплох: забившись в одну из ниш над быками моста и перегнувшись через перила, чтобы получше спрятаться, он выждал, пока она не прошла по противоположному тротуару. Когда она оказалась впереди его примерно на таком же расстоянии, как и раньше, он потихоньку вышел и снова последовал за ней. Почти на середине моста она остановилась. Остановился и мужчина.

Ночь была очень темная, погода стояла плохая, и в этот час и в таком месте людей было мало. Немногие прохожие быстро шли мимо, по всей вероятности, не замечая ни женщины, ни мужчины, который не терял ее из виду, и, уж конечно, не обращая на них внимания. Не такой был у них вид, чтобы привлекать докучливые взоры тех лондонских нищих, которые случайно проходили в тот вечер по мосту в поисках какой-нибудь холодной ниши или лачуги без дверей, где можно приклонить голову. Оба стояли молча - ни с кем не заговаривали, и никто из прохожих не заговаривал с ними.

Над рекой навис туман, сгущая красные отблески огней, которые горели на маленьких судах, пришвартованных к различным пристаням, и в тумане мрачные строения на берегу казались еще более хмурыми и расплывчатыми. Старые, закопченные склады, по обоим берегам реки поднимались, тяжелые и сумрачные над тесным скопищем крыш и карнизов и мрачно взирали на воду, слишком черную, чтобы отражать даже их громоздкую массу. Во мраке виднелись башня старой церкви Спасителя и шпиль церкви Сент Магнуса - древние стражи-гиганты старинного моста, но лес мачт внизу и густо рассыпанные шпили церковей вверх были почти скрыты от глаз.

Девушка беспокойно прошлась несколько раз взад и вперед - за ней все время пристально следил прятавшийся от нее наблюдатель, - наконец, тяжелый колокол собора св. Павла возвестил о смерти еще одного дня. Полночь спустилась на многолюдный город. На дворец, на ночной винный погребок, на тюрьму, на сумасшедший дом, на приют рождения и смерти, здоровья и болезни, на застывшее лицо мертвеца и мирный сон ребенка - на все спустилась полночь.

Не прошло и двух минут после боя часов, как из наемной кареты, остановившейся неподалеку от моста, вышли молодая леди и седой джентльмен и, отпустив экипаж, направились прямо к мосту. Они едва успели вступить на него, как девушка встрепенулась и сейчас же поспешила к ним навстречу.

Они шли вперед, посматривая по сторонам с таким видом, как будто ждали чего-то, что вряд ли могло осуществиться, когда перед ними внезапно появилась девушка. Они остановились, вскрикнув от изумления, но тотчас умолкли, потому что в этот самый момент мимо них прошел очень близко - даже задел их - какой-то человек, одетый по-деревенски.

- Не здесь! - торопливо сказала Нэнси. - Здесь я боюсь разговаривать с вами. Пойдемте... подальше от дороги... вот сюда, вниз по ступеням.

Когда она произнесла эти слова и указала рукой в ту сторону, куда хотела их повести, деревенский парень оглянулся и, грубо спросив, чего ради

они занесли весь тротуар, пошел дальше.

Ступени, указанные девушкой, были те самые, которые на Саррийской стороне, на том же берегу, где церковь Спасителя, служат речной пристанью. Сюда-то и поспешил никем не замеченный человек, похожий на деревенского жителя, и, быстро окинув взглядом это место, стал спускаться.

Эта лестница является частью моста; она состоит из трех пролетов. В конце второго уходящая вниз каменная стена заканчивается с левой стороны орнаментальным пилястром, обращенным к Темзе. Здесь нижние ступени шире, так что человек, завернувший за угол этой стены, не может быть замечен находящимися на лестнице, если они стоят хотя бы на одну ступеньку выше, чем он. Дойдя до этого места, деревенский парень быстро осмотрелся вокруг, и, так как нигде не видно было более укромного уголка, а благодаря отливу места было вполне достаточно, он крадучись свернул в сторону и, прижавшись спиной к пилястру, ждал, совершенно уверенный, что они не спустятся ниже и, если даже ему не удастся подслушать разговор, он может с полной безопасностью снова пойти за ними следом.

Так медленно тянулось время в этом уединенном уголке и так не терпелось шпиону разузнать причины свидания, столь не похожего на то, какого он мог ждать, что он не раз готов был счесть дело проигранным и говорил себе, что либо они остановились значительно выше, либо удалились для своей таинственной беседы совсем в другое место. Он уже собрался выйти из своего тайника и снова подняться наверх, как вдруг услышал шаги и сейчас же вслед за этим голоса чуть ли не над самым своим ухом.

Он выпрямился, прижимаясь к стене, и, затаив дыхание, стал внимательно слушать.

- Довольно! - сказал голос, несомненно принадлежавший джентльмену. - Я не допущу, чтобы эта молодая леди шла дальше. Немногие доверились бы вам настолько, чтобы прийти с вами сюда, но, как видите, я готов вам потакать.

- Потакать мне! - раздался голос девушки, которую он выслеживал. - Право же, вы очень деликатны, сэр. Потакать мне! Ну, неважно.

- Но с какой же целью, - сказал джентльмен более мягким тоном, - с какой целью вы привели нас в это странное место? Почему не позволили мне поговорить с вами там, наверху, где светло и встречаются прохожие, вместо того чтобы тащить нас в эту темную и мрачную дыру?

- Я уже вам сказала, - ответила Нэнси, - что боюсь разговаривать там с вами. Не знаю почему, - содрогаясь, добавила девушка, - но сегодня меня охватывает такой ужас, что я едва держусь на ногах.

- Ужас перед чем? - спросил джентльмен, казалось почувствовав к ней жалость.

- Я и сама не знаю, - ответила девушка. - А мне так хотелось бы знать. Весь день меня преследовали ужасные мысли о смерти, о каких-то саванах, запятнанных кровью, и такой страх, что я горела, как в огне. Вечером, чтобы скоротать время, я взялась за книгу, и те же видения появлялись между строк.

- Воображение, - успокаивая ее, сказал джентльмен.

- Нет, это не воображение, - хриплым голосом сказала девушка. - Я могу поклясться, что видела слово "гроб", написанное большими черными буквами на каждой странице книги, - да, а сегодня вечером по улице пронесли гроб как раз мимо меня.

- В этом нет ничего необычного, - сказал джентльмен. - Мимо меня их тоже часто пронесли.

- Н_а_с_т_о_я_щ_и_е г_р_о_б_ы, - возразила девушка. - А этот был не такой.

Что-то столь странное послышалось в ее тоне, что у притаившегося наблюдателя мурашки пробежали по коже и кровь застыла, когда он услышал произнесенные девушкой слова. Никогда еще не испытывал он большего облегчения, чем в тот момент, когда послышался нежный голос молодой леди, просившей ее успокоиться и бороться с такими страшными видениями, созданными воображением.

- Поговорите с ней ласково, - сказала молодая леди своему спутнику. - Бедняжка! Мне кажется, она в этом нуждается.

- Эти надменные благочестивые люди, ваши знакомые, задрали бы нос, увидев меня такой, какая я сейчас, и стали бы проповедовать о пекле и возмездии! - воскликнула девушка. - Ах, дорогая леди, почему те, что считают себя исповедующими заповеди божьи, не относятся к нам, жалким тварям, с такой же кротостью и добротой, с какой относитесь вы? Ведь вам, молодой, прекрасной, имеющей все то, что они утратили, можно было бы немножко возгордиться, а вы гораздо скромнее их.

- О! - отозвался джентльмен. - Турок, умыв лицо, обращает его к востоку, чтобы прочитать свои молитвы, а эти благочестивые люди, с чьих лиц от соприкосновения с миром навсегда сбежала улыбка, неизменно поворачиваются к самой мрачной стороне света. Если выбирать между мусульманином и фарисеем, я предпочту первого.

По-видимому, эти слова были обращены к молодой леди и, быть может, произнесены с целью дать Нэнси время успокоиться. Вскоре джентльмен снова

заговорил с ней.

- Вас не было здесь в прошлое воскресенье вечером, - сказал он.

- Я не могла прийти, - ответила Нэнси, - меня удержали силой.

- Кто?

- Тот, о ком я уже говорила молодой леди.

- Надеюсь, вас не заподозрили в том, что вы вступили с кем-нибудь в переговоры по тому делу, которое привело нас сюда сегодня? - спросил старый джентльмен.

- Нет, - покачав головой, ответила девушка. - Не очень-то легко уйти от него, если он не знает, зачем я иду. И в тот раз мне бы не удалось повидать леди, если бы перед уходом я не дала ему выпить настойку из опия.

- Он проснулся прежде, чем вы вернулись? - спросил джентльмен.

- Нет. Ни он и никто из них меня не подозревает.

- Хорошо, - сказал джентльмен. - Теперь послушайте меня.

- Я слушаю, - отозвалась девушка, когда он на секунду умолк.

- Эта молодая леди, - начал джентльмен, - сообщила мне и кое-кому из друзей, которым можно спокойно довериться, то, что вы ей рассказали почти две недели назад. Признаюсь вам, сначала у меня были сомнения, можно ли всецело на вас положиться, но теперь я твердо верю, что можно.

- Можно! - с жаром подтвердила девушка.

- Повторяю, я этому твердо верю. В доказательство того, что я склонен вам доверять, скажу вам без всяких недомолвок, что мы предполагаем выпытать тайну, какова бы она ни была, припугнув этого Монкса. Но если... если, - продолжал джентльмен, - его не удастся задержать или если мы его задержим, но не удастся воздействовать на него так, как мы хотим, вы должны выдать еврея.

- Феджина! - вскрикнула девушка, отшатнувшись.

- Этого человека вы должны выдать, - сказал джентльмен.

- Я этого не сделаю! Я этого никогда не сделаю! - воскликнула девушка.

- Хоть он и черт, а для меня был хуже черта, этого я никогда не сделаю.

- Не сделаете? - переспросил джентльмен, который, казалось, был вполне подготовлен к такому ответу.

- Никогда, - повторила девушка.

- Объясните мне - почему.

- По одной причине, - твердо ответила девушка, - по одной причине, которая известна этой леди, и леди будет на моей стороне, я это знаю, потому что я заручилась ее обещанием. Есть и другая причина: какой бы дурной ни была его жизнь, моя жизнь тоже была дурной; многие из нас шли вместе одной дорогой, и я не предаю тех, которые могли бы - любой из них - предать меня, но не предали, какими бы ни были они дурными людьми.

- В таком случае, - быстро сказал джентльмен, словно это и была та цель, какой он стремился достигнуть, - отдайте в мои руки Монкса и предоставьте мне иметь дело с ним.

- А что, если он выдаст остальных?

- Обещаю вам, что, если у него будет вырвано правдивое признание, тем дело и кончится. В короткой жизни Оливера несомненно есть какие-то обстоятельства, которые тягостно предавать огласке, и если мы добьемся правды, эти люди не понесут никакого наказания.

- А если не добьетесь? - спросила девушка.

- Тогда, - продолжал джентльмен, - этот Феджин не будет предан суду без вашего согласия. Думаю, в таком случае мне удастся привести вам доводы, которые заставят вас уступить.

- Леди тоже обещает мне это? - спросила девушка.

- Да, - ответила Роз. - Даю вам торжественное обещание!

- Монкс никогда не узнает, откуда вам все известно? - спросила девушка после короткого молчания.

- Никогда, - ответил джентльмен. - Эти сведения будут преподнесены ему так, что у него не мелькнет ни единой догадки.

- Я была лгуньей и с детства жила среди лгунов, - сказала девушка после новой паузы, - но вам я поверю на слово.

Получив от обоих подтверждение, что она может твердо им верить, девушка тихим голосом, - подслушивавшему не раз было трудно уловить даже смысл ее слов, - начала рассказ, упомянув название и местоположение трактира, где в тот вечер начали ее выслеживать. Судя по тому, что иногда она умолкала, могло показаться, будто джентльмен торопливо записывает сообщаемые ею сведения. Старательно указав все приметы этого трактира, наиболее удобное место, откуда можно было бы за ним следить, не привлекая к себе внимания, и те дни и часы, когда Монкс имел обыкновение его посещать, она как будто на несколько секунд призадумалась, стараясь ярче восстановить в памяти его лицо и манеры.

- Он высокого роста, - сказала девушка, - и крепкого сложения, но не толстый; он как будто не ходит, а крадется и при ходьбе поминутно оглядывается через плечо сначала в одну сторону, потом в другую. Не забудьте об этом, потому что глаза у него так глубоко посажены, как я ни у кого еще

не видела, и, должно быть, по одному этому вы могли бы его узнать. Лицо смуглое, волосы и глаза темные; и хотя ему не больше двадцати шести - двадцати восьми лет, вид у него изнуренный и угрюмый. Губы у него бледные и искусанные, потому что с ним случаются ужасные припадки, а иногда он даже до крови кусает себе руки. Почему вы вздрогнули? - спросила девушка, внезапно запнувшись.

Джентльмен поспешно ответил, что ей показалось, и попросил ее продолжать.

- Часть этих сведений, - сказала девушка, - я выпытала у жильцов этого дома, о котором вам говорила, потому что сама видела его только два раза, и оба раза он был закутан в широкий плащ. Вот, кажется, и все приметы, какие я могу вам сообщить, чтобы вы его узнали. А впрочем, подождите! - добавила она. - У него на шее, под галстуком, вы можете увидеть, когда он поворачивает голову...

- Большое красное пятно, словно от ожога? - вскричал джентльмен.

- Как?.. - сказала девушка. - Вы его знаете!

Молодая леди вскрикнула от удивления, и несколько секунд они стояли так тихо, что шпион ясно слышал их дыхание.

- Кажется, да, - сказал джентльмен, нарушая молчание. - Я бы узнал его по вашему описанию. Посмотрим. Много есть людей, поразительно похожих друг на друга. Быть может, это и не он.

Сказав это с притворным равнодушием, он приблизился шага на два к притаившемуся шпиону, о чем последний мог догадаться по тому, как отчетливо было слышно его бормотанье: "Это несомненно он!"

- Вы, любезная, - сказал он, вернувшись, если судить по голосу, туда, где стоял раньше, - оказали нам весьма важную услугу, и я хочу вас отблагодарить. Чем могу я быть вам полезен?

- Ничем, - ответила Нэнси.

- Не упорствуйте, - настаивал джентльмен, в голосе и тоне которого было столько доброты, что она могла бы тронуть сердце гораздо более жестокое и черствое. - Подумайте. Скажите.

- Ничем, сэр, - заплакав, повторила девушка. - Вы ничем не можете мне помочь. Нет у меня больше никакой надежды.

- Вы сами себя ее лишаете, - сказал джентльмен. - До сих пор вы лишь понапрасну расточали свои юные силы, те бесценные сокровища, которыми творец одаряет нас лишь однажды и никогда не наделяет вновь. Но что касается будущего, то вы можете надеяться. Я не говорю, что в нашей власти дать покой вашему сердцу и душе, ибо покой приходит, если вы его ищете; но обеспечить вам тихое пристанище в Англии или, если вы боитесь здесь остаться, где-нибудь в чужих краях, - это не только в нашей власти, но является самым горячим нашим желанием. Еще до рассвета, прежде чем эта река проснется при первых проблесках дня, вы будете совершенно недосыгаемы для ваших прежних сообщников и не оставите после себя никаких следов, словно вы в одно мгновение исчезли с лица земли. Пойдемте! Я не хочу, чтобы вы вернулись туда, обменялись хоть одним словом с кем-нибудь из прежних товарищей, бросили взгляд на старые места, вдохнули тот воздух, который несет вам гибель и смерть. Оставьте все это, пока есть время и возможность!

- Теперь ее удастся уговорить! - воскликнула молодая леди. - Я уверена, что она колеблется.

- Боюсь, что нет, моя дорогая, - сказал джентльмен.

- Да, сэр, я не колеблюсь, - ответила девушка после недолгой борьбы с собой. - Я прикована цепями к прежней жизни. Теперь она мне отвратительна и ненавистна, но я не могу ее бросить. Должно быть, я зашла слишком далеко, чтобы вернуться, а впрочем, не знаю: если бы вы заговорили со мной об этом прежде, я бы расхохоталась в ответ. Но меня опять охватывает страх, - добавила она, быстро озираясь. - Мне надо идти домой.

- Домой! - повторила молодая леди с сильным ударением на этом слове.

- Домой, леди, - откликнулась девушка. - В тот дом, который я сама для себя построила трудами всей моей жизни. Простимся. Меня могут выследить или увидеть. Идите! Идите! Если я оказала вам какую-то услугу, я прошу вас только об одном - оставьте меня, не мешайте мне идти своей дорогой.

- Все это бесполезно, - со вздохом сказал джентльмен. - Быть может, оставаясь здесь, мы подвергаем ее опасности. Пожалуй, мы уже задержали ее дольше, чем она рассчитывала.

- Да, да, - подхватила девушка. - Вы меня задержали.

- Чем же кончится жизнь этого бедного создания! - воскликнула молодая леди.

- Чем кончится? - повторила девушка. - Посмотрите прямо перед собой, леди. Посмотрите на эту темную воду. Сколько раз читали вы о том, что такие, как я, бросались в реку, не оставив ни одного живого существа, которому было бы до них дело и которое оплакивало бы их! Может быть, пройдут годы, может быть, только месяцы, но в конце концов мне этого не миновать.

- Прошу вас, не говорите так, - всхлипывая, отозвалась молодая леди.

- Вы никогда не услышите об этом, дорогая леди, и сохрани бог, чтобы вы

слышали о таких ужасах! - ответила девушка. - Прощайте, прощайте!

Джентльмен отвернулся.

- Вот кошелек! - воскликнула молодая леди. - Возьмите его ради меня, чтобы у вас были какие-то средства в час нужды и горя.

- Нет! - сказала девушка. - Я это сделала не для денег. Я хочу помнить об этом. Но... дайте мне какую-нибудь вещь, которую вы носили, - я бы хотела иметь что-нибудь... Нет, нет, не кольцо... ваши перчатки или носовой платок... что-нибудь такое, что я могла бы хранить в память о вас, милая леди... Ну вот! Будьте счастливы! Да благословит вас бог! Прощайте, прощайте!

Сильное волнение девушки, боявшейся, что если ее увидят, то жестоко избыют, казалось побудило джентльмена отпустить ее, как она просила. Послышались удаляющиеся шаги, и голоса смолкли.

Вскоре на мосту появились две фигуры - молодая леди и ее спутник. Они остановились на верхней площадке лестницы.

- Подождите! - воскликнула молодая леди, прислушиваясь. - Она как будто окликнула нас! Мне послышался ее голос.

- Нет, дорогая моя, - ответил мистер Браунлоу, печально оглянувшись. - Она стоит все там же и не тронется с места, пока мы не уйдем.

Роз Мэйли медлила, но старый джентльмен продел ее руку под свою и ласково, но настойчиво увел. Как только они скрылись из виду, девушка упала на каменную ступень, растянувшись чуть ли не во весь рост, и в горьких слезах излила свою душевную боль.

Спустя некоторое время она встала и, пошатываясь, неуверенно ступая, поднялась на улицу. Пораженный слушатель стоял еще несколько минут неподвижно на своем посту, потом, несколько раз осторожно осмотревшись вокруг и удостоверившись, что снова остался один, медленно выбрался из своего тайника и поднялся по лестнице, крадучись в тени стены, так же как спустился сюда.

Достигнув верхней ступени и несколько раз трусливо оглянувшись, дабы убедиться, что за ним не следят, Ноэ Клейпол пустился во всю прыть и устремился к дому еврея с той быстротой, на какую только способны были его ноги.

ГЛАВА XLII

Роковые последствия

Оставалось почти два часа до рассвета - была та пора, которую осенью можно по справедливости назвать глухой ночью, когда улицы безмолвны и пустынно, когда даже звуки как будто погружаются в сон, а распутство и разгул, пошатываясь, возвращаются домой на отдых. В этот тихий и безмолвный час в старом своем логове Феджин бодрствовал с таким перекошенным и бледным лицом, с такими красными и налитыми кровью глазами, что походил не столько на человека, сколько на какойто отвратительный призрак, вставший из сырой могилы и терзаемый злым духом.

Он сидел, сгорбившись, у холодного очага, закутанный в старое, рваное одеяло, лицом к оплывающей свече, которая стояла на столе около него. Правую руку он держал у рта и, поглощенный своими мыслями, грыз длинные черные ногти, а меж беззубых десен виднелось несколько клыков, какие бывают у собаки или крысы.

На полу, растянувшись на тюфяке, крепко спал Ноэ. Старик изредка останавливался на нем взгляд и снова переводил его на свечу, обгоревший фитиль которой согнулся почти вдвое, а горячее сало капало на стол, явно свидетельствуя, что мысли старика витают где-то далеко.

Так оно в действительности и было. Досада, вызванная крушением его великолепного плана, ненависть к девушке, осмелившейся связаться с чужими людьми, полное неверие в искренность ее отказа выдать его, горькое разочарование, ибо не было возможности отомстить Сайксу, боязнь разоблачения, гибели, смерти и дикое, неудержимое бешенство - все это пронеслось вихрем в мозгу Феджина, а дьявольские мысли и самые черные замыслы грызли ему сердце.

Он сидел, не меняя позы и как будто не замечая, как долго он сидит, пока до чуткого его слуха не донесся шум шагов на улице.

- Наконец-то! - пробормотал он, вытирая сухие, воспаленные губы. - Наконец-то!

Когда он произнес эти слова, тихо звякнул колокольчик. Феджин бесшумно поднялся по лестнице к двери и вскоре вернулся с каким-то человеком, который был закутан до подбородка и держал под мышкой узел. Усевшись и сбросив пальто, этот человек оказался дюжим Сайксом.

- Вот! - сказал он, кладя узел на стол. - Займитесь-ка этим да постарайтесь побольше за него выручить. Немало было хлопот, чтобы его добыть: я думал прийти сюда на три часа раньше.

Феджин забрал узел и, заперев его в шкаф, снова уселся, не говоря ни слова. Все это время он ни на секунду не сводил глаз с грабителя, и теперь, когда они сидели друг против друга, лицом к лицу, он пристально смотрел на него, а губы его так сильно дрожали и лицо так изменилось от овладевшего им волнения, что грабитель невольно отодвинул свой стул и взглянул на него с неподдельным испугом.

- Что случилось? - крикнул Сайкс. - Чего вы так уставились на меня?

Феджин поднял правую руку и погрозил дрожащим указательным пальцем, но возбуждение его было так велико, что на секунду он лишился дара речи.

- Проклятье! - крикнул Сайкс, с тревожным видом нащупывая что-то у себя за пазухой. - Он с ума спятил. Надо мне поостеречься.

- Нет! - возразил Феджин, обретя голос. - Это не то... не вы тот человек, Билл. Я никакой... никакой вины за вами не знаю.

- Не знаете! Вот как! - сказал Сайкс, злобно на него глядя и у него на глазах перекалывая пистолет в другой карман, что поближе. - Это хорошо - для одного из нас. Кто этот один - неважно.

- Билл, я вам должен сказать нечто такое, - начал Феджин, придвигая свой стул, - отчего вы почувствуете себя хуже, чем я.

- Ну? - недоверчиво отозвался грабитель. - Говорите! Да поживее, не то Нэнси подумает, что я пропал.

- Пропал! - воскликнул Феджин. - Для нее это вопрос решенный.

Сайкс с величайшим недоумением посмотрел на еврея и, не найдя удовлетворительного разрешения загадки, схватил его огромной ручищей за шиворот и основательно встряхнул.

- Да говорите же! - крикнул он. - А если не заговорите, то скоро вам дышать будет нечем. Раскройте рот и скажите просто и ясно. Выкладывайте, проклятый старый пес, выкладывайте!

- Допустим, что парень, который лежит вон там... - начал Феджин.

Сайкс повернулся в ту сторону, где спал Ноэ, словно не заметил его раньше.

- Ну? - сказал он, принимая прежнюю позу.

- Допустим, этот парень, - продолжал Феджин, - вздумал донести... предать всех нас, сначала отыскав для этой цели подходящих людей, а потом назначив им свидание на улице, чтобы описать нашу внешность, указать все приметы, по которым они могут нас найти, и место, где нас легче всего захватить. Допустим, он задумал все это устроить и вдобавок выдать одно дело, в котором мы все более или менее замешаны, - задумал это по своей прихоти; не потому, что священник ему нашептал или его довели до этого, посадив на хлеб и на воду, - по своей прихоти, для собственного своего удовольствия, уходил тайком, ночью отыскивать тех, кто больше всего вооружен против нас, и доносил им. Вы слышите меня? - крикнул еврей, в глазах которого загорелась ярость. - Допустим, он все это сделал. Что тогда?

- Что тогда? - повторил Сайкс, изрыгнув ужасное проклятье. - Останься он в живых до моего прихода, я бы железным каблуком моего сапога раздробил ему череп на столько кусков, сколько у него волос на голове.

- Что, если бы это сделал я? - чуть ли не завопил Феджин. - Я, который столько знает и столько людей может вздернуть, не считая самого себя!

- Не знаю, - отозвался Сайкс, стиснув зубы и побледнев при одном предположении. - Я бы выкинул какую-нибудь штуку в тюрьме, чтобы на меня надели кандалы, и если бы меня судили вместе с вами, я бы на суде обрушил на вас эти кандалы и на глазах у всех вышиб вам мозги. У меня хватило бы силы, - пробормотал грабитель, поднимая свою мускулистую руку, - разможить вам голову так, словно по ней проехала нагруженная повозка.

- Вы бы это сделали?

- Сделал ли бы я? - переспросил взломщик. - Испытайте меня.

- А если бы это был Чарли, или Плут, или Бет, или...

- Мне все равно кто! - нетерпеливо ответил Сайкс. - Кто бы это ни был, я бы расправился с ним точно так же.

Феджин в упор посмотрел на грабителя и, знаком приказав ему молчать, наклонился над тюфяком на полу и начал трясти спящего, стараясь разбудить его. Сайкс нагнулся вперед и, положив руки на колени, недоумевал, к чему клонились все эти вопросы и приготовления.

- Болтер, Болтер! Бедняга! - сказал Феджин, поднимая глаза, горевшие дьявольским предвкушением развязки, и говоря медленно и с многозначительными ударами. - Он устал... устал, выслеживая ее так долго... выслеживая е_е, Билл!

- Что это значит? - спросил Сайкс, откинувшись назад.

Феджин ничего не ответил и, снова наклонившись над спящим, приподнял его и усадил. Когда присвоенное им себе имя было повторено несколько раз, Ноэ протер глаза и, протяжно зевнув, стал сонно озираться.

- Расскажите мне опять об этом, еще раз, чтобы он послушал, - сказал

еврей, указывая на Сайкса.

- О чем вам рассказать? - спросил сонный Ноэ, с неудовольствием встряхиваясь.

- Расскажите о... Н_э_н_с_и, - сказал Феджин, хватая Сайкса за кисть руки, чтобы тот не бросился вон из дома, не дослушав до конца. - Вы шли за ней следом?

- Да.

- До Лондонского моста?

- Да.

- Там она встретила двоих?

- Вот, вот...

- Джентльмена и леди, к которой она уже ходила по собственному желанию, а те предложили ей выдать всех ее товарищей и в первую очередь Монкса, что она и сделала; и указать дом, где мы собираемся и куда ходим, что она и сделала; и место, откуда удобнее всего следить за ним, что она и сделала; и час, когда там собираются, что она и сделала. Все это она сделала. Она рассказала все до последнего слова, хотя ей не угрожали, рассказала по своей воле. Она это сделала, да или нет? - крикнул Феджин, обезумев от ярости.

- Верно, - ответил Ноэ, почесывая голову. - Так оно и было!

- Что они сказали о прошлом воскресенье?

- О прошлом воскресенье? - призадумавшись, отозвался Ноэ. - Да ведь я вам уже говорил.

- Еще раз. Скажите еще раз! - крикнул Феджин, еще крепче вцепляясь в Сайкса одной рукой и потрясая другой, в то время как на губах у него выступила пена.

- Они спросили ее... - сказал Ноэ, который, по мере того как рассеивалась его сонливость, как будто начинал догадываться, кто такой Сайкс, - они спросили ее, почему она не пришла, как обещала, в прошлое воскресенье. Она сказала, что не могла.

- Почему, почему? Скажите это ему.

- Потому что ее насильно удержал дома Билл - человек, о котором она говорила им раньше, - ответил Ноэ.

- Что еще про него? - крикнул Феджин. - Что еще про человека, о котором она говорила им раньше? Скажите это ему, скажите ему!

- Да то, что ей не очень-то легко уйти из дому, если он не знает, куда она идет, - сказал Ноэ, - и потому-то в первый раз, когда она пошла к леди, она дала ему - вот рассмешила-то она меня, когда это сказала! - она дала ему выпить настойки из опия.

- Тысяча чертей! - заревел Сайкс, неистово вырываясь из рук еврея. - Пустите меня!

Отшвырнув старика, он бросился вон из комнаты и, вне себя от бешенства, сбежал по лестнице.

- Билл, Билл! - закричал Феджин, поспешив за ним. - Одно слово! Только одно слово!

Это слово не было бы сказано, если бы грабитель мог отпереть дверь, на что зря тратил силы и ругательства, когда еврей, запыхавшись, догнал его.

- Выпустите меня! - крикнул Сайкс. - Не разговаривайте со мной, это опасно. Говорю вам, выпустите меня!

- Выслушайте одно только слово, - возразил Феджин, положив руку на замок. - Вы не будете...

- Ну? - отозвался тот.

- Вы не будете... слишком неистовы, Билл?

Загорался день, и было достаточно светло, чтобы каждый из них мог видеть лицо другого. Они обменялись быстрым взглядом; у обоих глаза зажглись огнем, который не вызывал никаких сомнений.

- Я хочу сказать, - продолжал Феджин, не скрывая, что считает теперь всякое притворство бесполезным, - хочу сказать, что быть чересчур неистовым опасно. Будьте хитрым, Билл, и не слишком неистовым...

Сайкс ничего не ответил и, распахнув дверь, которую отпер Феджин, выбежал на пустынную улицу.

Ни разу не остановившись, ни на секунду не задумываясь, не поворачивая головы ни направо, ни налево, не поднимая глаз к небу и не опуская их к земле, но с беспощадной решимостью глядя прямо перед собой, стиснув зубы так крепко, что, казалось, напряженные челюсти прорвут кожу, грабитель неудержимо мчался вперед и не пробормотал ни слова, не ослабил ни одного мускула, пока не очутился у своей двери. Он бесшумно отпер дверь ключом, легко поднялся по лестнице и, войдя в свою комнату, дважды повернул ключ в замке и, придвинув к двери тяжелый стол, отдернул полог кровати.

Девушка лежала на ней полуодетая. Его приход разбудил ее, она приподнялась торопливо, с испуганным видом.

- Вставай! - сказал мужчина.

- Ах, это ты, Билл! - сказала девушка, по-видимому обрадованная его возвращением.

- Это я, - был ответ. - Вставай.

Горела свеча, но мужчина быстро выхватил ее из подсвечника и швырнул под каминную решетку. Заметив слабый свет загоревшегося дня, девушка встала, чтобы отдернуть занавеску.

- Не надо, - сказал Сайкс, преграждая ей дорогу рукой. - Света хватит для того, что я собираюсь сделать.

- Билл, - сказала девушка тихим, встревоженным голосом, - почему ты на меня так смотришь?

Несколько секунд грабитель сидел с раздувавшимися ноздрями и вздымающейся грудью, не спуская с нее глаз; потом, схватив ее за голову и за шею, потащил на середину комнаты и, оглянувшись на дверь, зажал ей рот тяжелой рукой.

- Билл, Билл, - хрипела девушка, отбиваясь с силой, рожденной смертельным страхом. - Я... я не буду ни вопить, ни кричать... ни разу не вскрикну... Выслушай меня... поговори со мной... скажи мне, что я сделала!

- Сама знаешь, чертовка! - ответил грабитель, переводя дыхание. - Этой ночью за тобой следили. Слышали каждое твое слово.

- Так пощади же, ради неба, мою жизнь, как я пощадила твою! - воскликнула девушка, прижимаясь к нему. - Билл, милый Билл, у тебя не хватит духа убить меня. О, подумай обо всем, от чего я отказалась ради тебя хотя бы только этой ночью. Подумай об этом и спаси себя от преступления; я не разожму рук, тебе не удастся меня отшвырнуть. Билл, Билл, ради господ бога, ради самого себя, ради меня, подожди, прежде чем прольешь мою кровь! Я была тебе верна, клянусь моей грешной душой, я была верна!

Мужчина отчаянно боролся, чтобы освободить руки, но вокруг них обвилились руки девушки, и, как он ни старался, он не мог оторвать ее от себя.

- Билл! - воскликнула девушка, пытаясь положить голову ему на грудь. - Джентльмен и эта милая леди предлагали мне сегодня пристанище в какой-нибудь чужой стране, где бы я могла дожидать свои дни в уединении и покое. Позволь мне повидать их еще раз и на коленях молить, чтобы они с такой же добротой и милосердием отнеслись и к тебе, и тогда мы оба покинем это ужасное место и далеко друг от друга начнем лучшую жизнь, забудем, как мы жили раньше, вспоминая об этом только в молитвах, и больше не встретимся. Никогда не поздно раскаяться. Так они мне сказали... я это чувствую теперь... но нам нужно время... хоть немножко времени.

Взломщик освободил одну руку и схватил пистолет. Несмотря на взрыв ярости, в голове его пронеслась мысль, что он будет немедленно пойман, если выстрелит. И, собрав силы, он дважды ударил им по обращенному к нему лицу, почти касавшемуся его лица.

Она пошатнулась и упала, полуослепленная кровью, стекавшей из глубокой раны на лбу; поднявшись с трудом на колени, она вынула из-за пазухи белый носовой платок - платок Роз Мэйли - и, подняв его в сложенных руках к небу, так высоко, как только позволяли ее слабые силы, прошептала молитву, взывая к создателю о милосердии.

Страшно было смотреть на нее. Убийца, отшатнувшись к стене и заслоняя глаза рукой, схватил тяжелую дубинку и одним ударом сбил ее с ног.

ГЛАВА XLVIII

Бегство Сайкса

Из всех злодеяний, совершенных под покровом тьмы в пределах широко раскинувшегося Лондона с того часа, как нависла над ним ночь, это злодеяние было самое страшное. Из всех ужасных преступлений, отравивших зловонием утренний воздух, это преступление было самое гнусное и самое жестокое.

Солнце - яркое солнце, приносящее человеку не только свет, но и новую жизнь, надежду и бодрость, - возшло, сияющее и лучезарное, над многолюдным городом. Сквозь дорогое цветное стекло и заклеенное бумагой окно, сквозь соборный купол и расщелину в ветхой стене оно равно проливало свои лучи. Оно озарило комнату, где лежала убитая женщина. Оно озарило ее. Сайкс попытался преградить ему доступ, но лучи все-таки струились. Если зрелище было страшным в тусклых, предутренних сумерках, то каково же было оно теперь при этом ослепительном свете!

Сайкс не двигался: он боялся пошевелинуться. Послышался стон, рука дернулась, и в ужасе, слившемся с яростью, он нанес еще удар и еще. Он набросил на нее одеяло; но было тяжелее представлять себе глаза и думать, что они обращены к нему, чем видеть, как они пристально смотрят вверх, словно следя за отражением лужи крови, которое в лучах солнца трепетало и плясало на потолке. Он снова сорвал одеяло. Здесь лежало тело - только плоть и кровь, не больше, - но какое тело и как много крови!

Он зажег спичку, растопил очаг и сунул в огонь дубинку. На конце ее

прилипли волосы, они вспыхнули, съезились в легкий пепел и, подхваченные тягой, кружась, полетели вверх к дымоходу. Даже это его испугало при всей его смелости, но он продолжал держать оружие, пока оно не переломилось, а потом бросил его на угли, чтобы оно сгорело и обратилось в золу. Он умылся и вычистил свою одежду; несколько пятен не удалось вывести, он вырезал куски и сжег их. Сколько этих пятен было в комнате! Даже у собаки лапы были в крови.

Все это время он ни разу не поворачивался спиной к трупу - да, ни на секунду. Покончив с приготовлениями, он, пятась, отступил к двери, таща за собой собаку, чтобы она снова не запачкала лап и не вынесла на улицу новых улик преступления. Он потихоньку открыл дверь, запер ее за собой, взял ключ и покинул дом.

Он перешел через дорогу и поднял глаза на окно, желая убедиться, что с улицы ничего не видно. Все еще была задернута занавеска, которую она хотела раздвинуть, чтобы впустить свет, так и не увиденный ею. Она лежала почти у окна. Он это знал. Боже, как льются солнечные лучи на это самое место!

Взгляд был мимолетный. Стало легче, когда он вырвался из этой комнаты. Он свистнул собаку и быстро зашагал прочь.

Он прошел через Излингтон, поднялся на холм у Хайгета, где водружен камень в честь Виттингтона *, и стал спускаться к Хайгет-Хилл. Он шел бесцельно, не зная, куда идти; едва начав спускаться с холма, он опять свернул вправо, и пойдя по тропинке через поля, обогнул Сиин-Вуд и таким образом вышел на Хэмстед-Хит. Миновав ложбину у Вейл-Хит, он взобрался на насыпь с противоположной стороны, пересек дорогу, соединяющую деревни Хэмстед и Хайгет, и, дойдя до конца вересковой пустоши, вышел в поля у Норт-Энда, где улегся под живой изгородью и заснул.

Вскоре он опять поднялся и пошел - не от Лондона, а обратно, в город, по проезжей дороге, потом назад, пересек с другой стороны пустошь, по которой уже проходил, затем стал блуждать по полям, ложился отдыхать у края канавы и снова вскакивал, чтобы отыскать какое-нибудь другое местечко, возвращался и снова бродил наугад.

Куда бы зайти поблизости, где было не слишкомлюдно, чтобы поесть и выпить? Хэндон. Это было прекрасное место, неподалеку, куда мало кто заглядывал по пути. Сюда-то он и направился, то пускаясь бегом, то, по странной прихоти, подвигаясь со скоростью улитки, а иногда даже приостанавливался и лениво сбивал палкой ветки кустарника. Но когда он пришел туда, все, кого он встречал - даже дети у дверей, - казалось, поглядывали на него подозрительно. Снова повернул он обратно, не осмелившись купить чего-нибудь поесть или выпить, хотя вот уже много часов у него не было ни куска во рту; и опять он побрел по вересковой пустоши, не зная, куда идти.

Он проходил мило за милей и снова приходил на старое место. Утро и полдень миновали, и день был на исходе, а он по-прежнему тащился то в одну сторону, то в другую, то в гору, то под гору, по-прежнему возвращался назад и мешкал возле одного и того же места. Наконец, он ушел и зашагал по направлению к Хэтфилду.

Было девять часов вечера, когда мужчина, окончательно выбившись из сил, и собака, волочившая ноги и хромавшая от непривычной ходьбы, спустились с холма возле церкви в тихой деревне и, пройдя по маленькой улочке, проскользнули в небольшой трактир, тусклый огонек которого привел их сюда. В комнате был затоплен камин, и перед ним выпивали поселяне. Они освободили место для незнакомца, но он уселся в самом дальнем углу и ел и пил в одиночестве, или, вернее, со своей собакой, которой время от времени бросал кусок.

Беседа собравшихся здесь людей шла о соседних полях, о фермерах, а когда эти темы были исчерпаны - о возрасте какого-то старика, которого похоронили в прошлое воскресенье; юноши считали его очень дряхлым, а старики утверждали, что он был совсем еще молод - не старше, как заявил один седовласый дед, чем он сам, и его еще хватало бы лет на десять - пятнадцать по крайней мере, если бы он берег себя... если бы он берег себя!

Эта беседа ничем не могла привлечь внимания или вызвать тревогу. Грабитель, расплатившись по счету, сидел молчаливый и неприметный в своем углу и уже задремал, как вдруг его разбудило шумное появление нового лица.

Это был коробейник, балагур и шарлатан, странствовавший пешком по деревням, торгуя точильными камнями, ремнями для правки бритв, бритвами, круглым мылом, смазкой для сбруи, лекарствами для собак и лошадей, дешевыми духами, косметическими мазями и тому подобными вещами, которые он таскал в ящике, привязанном за спиной. Его появление послужило для поселян сигналом к обмену всевозможными незамысловатыми шуточками, которые не смолкали, пока он не поужинал и не раскрыл своего ящика с сокровищами, после чего остроумно ухитрился соединить приятное с полезным.

- А что это за товары? Каковы на вкус, Гарри? - спросил ухмыляющийся поселянин, указывая на плитки в углу ящика.

- Вот это, - сказал парень, извлекая одну из них, - Это незаменимое и неочищенное средство для удаления всяких пятен, ржавчины, грязи, крапинок и

брызг с шелка, атласа, полотна, батиста, сукна и крепа, с шерсти, с ковров, с шерсти мериносковой, с муслина, бомбазина и всяких шерстяных тканей. Пятна от вина, от фруктов, от пива, от воды, от краски и дегтя - любое пятно сойдет, стоит разок потереть этим незаменимым и неоценимым средством. Если леди запятнала свое имя, ей достаточно проглотить одну штуку - и она сразу исцелится, потому что это яд. Если джентльмен пожелает это проверить, ему достаточно принять одну маленькую плиточку - и никаких сомнений не останется, потому что она действует не хуже пули и на вкус гораздо противнее, а стало быть, тем больше ему чести, что он ее принял... Пенни за штуку! Такая польза, и только пенни за штуку!

Сразу нашлись два покупателя, и многие слушатели начинали явно склоняться к тому же. Заметив это, торговец стал еще болтливей.

- Выпустить не успеют, как все нарасхват разбирают! - продолжал парень. - Четырнадцать водяных мельниц, шесть паровых машин и гальваническая батарея без отдыха выдвывают их да все не поспевают, хотя люди трудятся так, что помирают, а вдовам сейчас же дают пенсию и двадцать фунтов в год на каждого ребенка, а за близнецов - пятьдесят... Пенни за штуку! Два полупенни тоже годятся, и четыре фаринга будут приняты с радостью. Пенни за штуку! Пятна от вина, от фруктов, от пива, от воды, от краски, дегтя, грязи, крови!.. Вот у этого джентльмена пятно на шляпе, которое я выведу, не успеет он заказать мне пинту пива.

- Эй! - восторженно крикнул Сайкс. - Отдайте!

- Я его выведу, сэр, - возразил торговец, подмигивая компании, - прежде чем вы подойдете с того конца комнаты. Джентльмены, здесь присутствующие, обратите внимание на темное пятно на шляпе этого джентльмена величиной не больше шиллинга, но толщиной с полукрону. Будь пятно от вина, от фруктов, от пива, от воды, от краски, дегтя, грязи или крови...

Торговец не кончил фразы, потому что Сайкс с отвратительным проклятием опрокинул стол и, вырвав у него шляпу, выбежал из дому.

Под влиянием все той же странной прихоти и колебаний, которые весь день владели им вопреки его воле, убийца, убедившись, что его не преследуют и, по всей вероятности, приняли за угрюмого и пьяного парня, повернул обратно в город и, сторонясь от фонарей кареты, стоявшей перед маленькой почтовой конторой, хотел пройти мимо, но узнал почтовую карету из Лондона. Он почти угадывал, что за этим последует, но перешел дорогу и стал прислушиваться.

У двери стоял кондуктор в ожидании почтовой сумки. В эту минуту к нему подошел человек в форме лесничего, и тот вручил ему корзинку, которую поднял с мостовой.

- Это для вашей семьи, - сказал кондуктор. - Эй, вы, там, пошевеливайтесь! Будь проклята эта сумка, и вчера она была не готова. Так, знаете ли, не годится!

- Что нового в городе, Бен? - спросил лесничий, отступая к ставням, чтобы удобнее было любоваться лошадьми.

- Ничего как будто не слышал, - ответил тот, надевая перчатки. - Цена на хлеб немного поднялась. Слышал, что толковали о каком-то убийстве в Спителфилдсе, но не очень-то я этому верю.

- Нет, это правда, - сказал джентльмен, сидевший в карете и выглядывавший из окна. - И вдобавок - Зверское убийство.

- Вот как, сэр! - отозвался кондуктор, притронувшись к шляпе. - Кого убили, сэр: мужчину или женщину?

- Женщину, - ответил джентльмен. - Полагают...

- Эй, Бен! - нетерпеливо крикнул кучер.

- Будь проклята эта сумка! - воскликнул кондуктор. - Заснули вы там, что ли?

- Иду! - крикнул, выбегая, заведующий конторой.

- Иду! - проворчал кондуктор. - Идет так же, как та молодая и богатая женщина, которая собирается в меня влюбиться, да не знаю когда. Ну, давайте! Готово!

Весело затрубил рог, и карета уехала. Сайкс продолжал стоять на улице; казалось, его не взволновала только что услышанная весть, не тревожило ни одно сильное чувство, кроме колебаний, куда идти. Наконец, он снова повернул назад и пошел по дороге, ведущей из Хэтфилда в Сент-Элбанс.

Он шел упрямо вперед. Но, оставив позади город и очутившись на безлюдной и темной дороге, он почувствовал, как подкрадываются к нему страх и ужас, проникая до сокровенных его глубин. Все, что находилось впереди - реальный предмет или тень, что-то неподвижное или движущееся, - превращалось в чудовищные образы, но эти страхи были ничто по сравнению с не покидавшим его чувством, будто за ним по пятам идет призрачная фигура, которую он видел этим утром. Он мог проследить ее тень во мраке, точно восстановить очертания и видеть, как непреклонно и торжественно шествует она. Он слышал шелест ее одежды в листве, и каждое дыхание ветра приносило ее последний тихий стон. Если он останавливался, останавливалась и она. Если он бежал, она следовала за ним, - не бежала, что было бы для него облегчением, но двигалась, как труп, наделенный какой-то механической жизнью и гонимый ровным, унылым

ветром, не усливавшимся и не стихавшим.

Иногда он поворачивался с отчаянным решением отогнать привидение, даже если б один его взгляд принес смерть; но волосы поднимались у него дыбом и кровь стыла в жилах, потому что оно поворачивалось вместе с ним и оставалось у него за спиной. Утром он удерживал его перед собой, но теперь оно было за спиной - всегда. Он прислонился к насыпи и чувствовал, что оно высится над ним, вырисовываясь на фоне холодного ночного неба. Он растянулся на дороге - лег на спину. Оно стояло над его головой, безмолвное, прямое и неподвижное - живой памятник с эпитафией, начертанной кровью.

Пусть никто не говорит об убийцах, ускользнувших от правосудия, и не высказывает догадку, что провидение, должно быть, спит. Одна нескончаемая минута этого мучительного страха стоила десятка насильственных смертей.

В поле, где он проходил, был сарай, который мог служить пристанищем на ночь. Перед дверью росли три высоких тополя, отчего внутри было очень темно, и ветер жалобно завывал в ветвях. Он не мог идти дальше, пока не рассветет, и здесь он улегся у самой стены, чтобы подвергнуться новой пытке.

Ибо теперь видение предстало перед ним такое же неотвязное, но еще более страшное, чем то, от которого он спасся. Эти широко раскрытые глаза, такие тусклые и такие остекленевшие, что ему легче было бы их видеть, чем о них думать, появились во мраке; свет был в них, но они не освещали ничего. Только два глаза, но они были всюду. Если он смыкал веки, перед ним возникала комната со всеми хорошо знакомыми предметами - конечно, об иных он бы не вспомнил, если бы восстанавливал обстановку по памяти, - каждая вещь на своем привычном месте. И труп был на своем месте и глаза, какими он их видел, когда бесшумно уходил.

Он вскочил и побежал в поле. Фигура была у него за спиной. Он вернулся в сарай и снова съехался там. Глаза появились раньше, чем он успел лечь.

И здесь он остался, охваченный таким ужасом, какой никому был неведом, дрожа всем телом и обливаясь холодным потом, как вдруг ночной ветер донес издали крики и гул голосов, испуганных и встревоженных. Человеческий голос, прозвучавший в этом уединенном месте, пусть даже возвещая о какой-то беде, принес ему облегчение. Сознание грозящей опасности заставило Сайкса обрести новые силы, и, вскочив на ноги, он выбежал из сарая.

Казалось, широко раскинувшееся небо было в огне. Поднимаясь вверх с дождем искр и перекатываясь один через другой, вырывались языки пламени, освещая окрестности на много миль и гоня облака дыма в ту сторону, где он стоял. Рев стал громче, так как новые голоса подхватили вопль, и он мог слышать крики: "Пожар!" - сливавшиеся с набатом, грохотом от падения каких-то тяжестей и треском огня, когда языки обвивались вокруг какого-нибудь нового препятствия и вздымались вверх, словно подкрепленные пищей. Пока он смотрел, шум усилился. Там были люди - мужчины и женщины, - свет, суматоха. Для него это была как будто новая жизнь. Он рванулся вперед - напрямик, опретью, мчась сквозь вересковые заросли и кусты и перескакивая через изгороди и заборы так же неудержимо, как его собака, которая неслась впереди с громким и звонким лаем.

Он добежал. Метались полуодетые фигуры: одни старались вывести из конюшен испуганных лошадей, другие гнали скот со двора и из надворных построек, тащили пожитки из горящего дома под градом сыпавшихся искр и раскаленных докрасна балок. Сквозь отверстия, где час назад были двери и окна, виднелось бушующее море огня; стены качались и падали в пылающий колодец; расплавленный свинец и железо, добела раскаленные, лились потоком на землю. Визжали женщины и дети, а мужчины подбадривали друг друга громкими криками. Лязг пожарных насосов, свист и шипение струи, падавшей на горящее дерево, сливались в оглушительный рев.

Он тоже кричал до хрипоты и, убегая от воспоминаний и самого себя, нырнул в гущу толпы. Из стороны в сторону бросался он в эту ночь, то трудясь у насосов, то пробиваясь сквозь дым и пламя, но все время норовя попасть туда, где больше всего было шума и людей. На приставных лестницах, наверху и внизу, на крышах строений, на половицах, скрипевших и колебавшихся под его тяжестью, под градом падающих кирпичей и камней, - всюду, где бушевал огонь, был он, но его жизнь была заколдована, он остался невредимым: ни единой царапины, ни ушибов; он не ведал ни усталости, ни мыслей, пока снова не занялась заря и остались только дым да почерневшие развалины.

Когда прошло это сумасшедшее возбуждение, с удесятенной силой вернулось страшное сознание совершенного преступления. Он подозрительно осмотрелся; люди разговаривали, разбившись на группы, и он опасался, что предметом их беседы служит он. Собака повиновалась выразительному движению его пальца, и они крадучись пошли прочь. Он проходил мимо пожарного насоса, где сидели несколько человек, и они окликнули его, предлагая с ними закусить. Он поел хлеба и мяса, а когда принялся за пиво, услышал, как пожарные, которые явились из Лондона, толкуют об убийстве.

- Говорят, он пошел в Бирмингем, - сказал один, - но его схватят, потому что сыщики уже на ногах, а завтра к вечеру об этом будут знать по всей стране.

Он поспешил уйти и шел, пока не подкосились ноги, - тогда он лег на тропинке и спал долго, но беспокойным сном. Снова он побрел, нерешительный и колеблющийся, страшно боясь провести еще ночь в одиночестве. Вдруг он принял отчаянное решение вернуться в Лондон.

"Там хоть есть с кем поговорить, - подумал он, - и надежное место, чтобы спрятаться. Раз пущен слух, что я в этих краях, им не придет в голову ловить меня там. Почему бы мне не притаиться на недельку, а потом выколотить деньги из Феджина и уехать во Францию? Черт побери, рискну!"

Этому побуждению он последовал немедленно и, выбирая самые глухие дороги, пустился в обратный путь, решив укрыться где-нибудь неподалеку от столицы, в сумерках войти в нее окольными путями и отправиться в тот квартал, который он наметил целью своего путешествия.

А собака? Если разосланы сведения о его приметах, не забудут, что собака тоже исчезла и, по всей вероятности, ушла с ним. Это может привести к аресту, когда он будет проходить по улицам. Он решил утопить ее и пошел дальше, отыскивая какой-нибудь пруд; по дороге поднял тяжелый камень и завязал его в носовой платок.

Пока делались эти приготовления, собака не сводила глаз со своего хозяина; инстинкт ли предупредил собаку об их цели, или же кривой взгляд, брошенный на нее грабителем, был суровее обычного, но она держалась позади него немного дальше, чем всегда, и поджала хвост, как только он замедлил шаги. Когда ее хозяин остановился у небольшого пруда и оглянулся, чтобы подзвать ее, она не тронулась с места.

- Слышишь, зову! Сюда! - крикнул Сайкс.

Собака подошла в силу привычки, но, когда Сайкс нагнулся, чтобы обвязать ей шею платком, она глухо заворчала и отскочила.

- Назад! - крикнул грабитель.

Собака завилала хвостом, но осталась на том же месте. Сайкс сделал мертвую петлю и снова позвал ее.

Собака подошла, отступила, постояла секунду, повернулась и стремглав бросилась прочь.

Сайкс свистнул еще и еще раз, сел и стал ждать, надеясь, что она вернется. Но собака так и не вернулась, и, наконец, он снова тронулся в путь.

ГЛАВА XLIX

Монкс и мистер Браунлоу, наконец, встречаются. Их беседа и известие, ее прервавшее

Смеркалось, когда мистер Браунлоу вышел из наемной кареты у своего подъезда и тихо постучал. Когда дверь открылась, из кареты вылез дюжий мужчина и занял место по одну сторону подножки, тогда как другой, сидевший на козлах, в свою очередь спустился и стал по другую сторону. По знаку мистера Браунлоу они помогли выйти третьему и, поместившись по правую и левую его руку, быстро увлекли в дом. Этот человек был Монкс.

Таким же манером они молча поднялись по лестнице, и мистер Браунлоу, шедший впереди, повел их в заднюю комнату. У двери этой комнаты Монкс, поднимающийся с явной неохотой, остановился.

- Пусть он выбирает, - сказал мистер Браунлоу. - Если он замешкается или хоть пальцем пошевелинет, сопротивляясь вам, тащите его на улицу, зовите полицию и от моего имени предъявите ему обвинение в преступлении.

- Как вы смеете говорить это обо мне? - спросил Монкс.

- Как вы смеете вынуждать меня к этому, молодой человек? - отозвался мистер Браунлоу, пристально глядя ему в лицо. - Или вы с ума сошли, что хотите уйти из этого дома?.. Отпустите его... Ну вот, сэр: вы вольны идти, а мы - последовать за вами. Но предупреждаю вас - клянусь всем самым для меня святым! - что в ту самую минуту, когда вы окажетесь на улице, я арестую вас по обвинению в мошенничестве и грабеже. Я тверд и непоколебим. Если и вы решили вести себя так же, то да падет ваша кровь на вашу голову.

- По чьему распоряжению я схвачен на улице и доставлен сюда этими собаками? - спросил Монкс, переводя взгляд с одного на другого из стоявших возле него мужчин.

- По моему, - ответил мистер Браунлоу. - За этих людей ответственность несущая. Если вы жалуетесь, что вас лишили свободы, - вы имели право и возможность вернуть ее, когда ехали сюда, однако сочли разумным не поднимать шума, - то, повторяю, отдайтесь под защиту закона. Я в свою очередь обращаюсь к закону. Но если вы зайдете слишком далеко, чтобы отступить, не просите меня о снисхождении, когда власть перейдет в другие руки, и не говорите, что я толкнул вас в пропасть, в которую вы бросились сами.